

УДК 34.0

DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026

Конституционно-правовые проблемы интеграции правовых систем новых субъектов в общее правовое пространство Российской Федерации

Глушенко Сергей Николаевич

Адъюнкт,
Орден Трудового Красного Знамени
Академия управления МВД России,
125171, Российская Федерация, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8;
e-mail: gluwenko-900@mail.ru

Аннотация

Действующее регулирование принятия в Российскую Федерацию нового субъекта опирается на две близкие по наименованию, но различные по содержанию юридические конструкции. Первая — переходный период, в течение которого новый субъект включается в правовую систему страны. Вторая — особенности регулирования отдельных отношений, вводимые отдельными федеральными законами со своими сроками применения. Конституционное правило о приоритете федерального закона рассчитано на расхождение между федеральным законом и актом субъекта Российской Федерации, а расхождение двух федеральных предписаний оно не охватывает, из-за чего вопрос о применении правила остаётся без прямого ответа. Нормативную базу образуют предписания Конституции Российской Федерации о разграничении предметов ведения и юридической силе актов, нормы федеральных конституционных законов о порядке принятия нового субъекта и о переходном периоде, положения федерального закона об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации, а также два судебных акта. Наряду с формально-юридическим применены понятийно-категориальный анализ, систематическое и телеологическое толкование, сравнение последовательных редакций одного предписания. Признаки двух режимов сведены к трём различающим основаниям — источнику, предмету и сроку, — что отделяет темпоральный режим интеграции от компетенционного режима особенностей. Расхождения разнесены по элементу механизма, который их порождает, на темпоральные, иерархические, компетенционные и режимные; для последних, не охваченных действующими коллизионными правилами, выведено правило приоритета, опирающееся на цель интеграции. Сохранённое предписание вступает в расхождение с федеральным актом высшей силы в тот день, когда истекает срок его сохранения. Полученное разграничение позволяет относить конкретное предписание к одному из режимов по проверяемым признакам и применять соответствующее ему правило разрешения расхождения, а границей конструкции служит предписание, соединяющее срок и новое полномочие.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушченко С.Н. Конституционно-правовые проблемы интеграции правовых систем новых субъектов в общее правовое пространство Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 228-235. DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026

Ключевые слова

Единое правовое пространство, переходный период, особенности правового регулирования, разграничение предметов ведения, юридическая коллизия, нормоконтроль, новый субъект Российской Федерации.

Введение

Часть 2 статьи 65 Конституции Российской Федерации относит принятие в Российскую Федерацию и образование в её составе нового субъекта к порядку, установленному федеральным конституционным законом. Часть 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ допускает установление международным договором переходного периода, в течение которого новый субъект интегрируется в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти. Конструкция воспроизведена в актах о принятии отдельных субъектов. Статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ ограничила переходный период конечной датой; статья 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ наряду со сроком допустила установление отдельными федеральными законами особенностей регулирования отдельных отношений и сроков применения таких особенностей.

Оба предписания обозначаются близкими терминами, однако проверяемого основания, разделяющего их, доктрина пока не предложила. Переходный период описывается как частный случай более широкого интеграционного правового режима, в котором Конституция Российской Федерации сохраняет прямое действие [Третьяк, 2025]. Смена состава Федерации связывается с нормативной архитектурой, образуемой конституционными предписаниями и федеральными конституционными законами [Азангулова, 2026], а приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным рассматривается как гармонизация, этапы которой соотнесены с развитием доктрины государственного суверенитета [Максимова, 2024]. Предписания статьи 66 Конституции Российской Федерации задают при этом рамку для учредительных актов субъекта [Магомедов, 2023]. Ни один из названных подходов не даёт правила, применимого к расхождению между общей нормой федерального законодательства и специальной федеральной нормой об особенностях, срок применения которой не совпадает со сроком переходного периода. Исследование направлено на разграничение обоих режимов по проверяемому основанию, отнесение возникающих расхождений к типам с различными правилами разрешения и определение момента, с которого расхождение приобретает значение коллизии.

Материалы и методы исследования

Нормативную базу образуют часть 2 статьи 65, статьи 71, 72, 73 и части 1–6 статьи 76 Конституции Российской Федерации; статьи 4, 7 и 9 Федерального конституционного закона от

17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ; статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ; статья 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ в редакции Федерального конституционного закона от 15 декабря 2025 г. № 4-ФКЗ; части 4–6 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ. Судебная составляющая ограничена двумя актами. Это Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 33-П и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50. Все акты сверены по действующим редакциям на 13 сентября 2026 г.

Анализ норм ведётся на уровне отдельного нормативного предписания; отношение между двумя предписаниями, применимыми к одному вопросу, рассматривается самостоятельно. Формально-юридический анализ дополнен понятийно-категориальным анализом, посредством которого признаки двух режимов сведены к единому основанию деления, а также систематическим и телеологическим толкованием и сравнением последовательных редакций одного предписания. Такой порядок согласуется с подходом, при котором оценке регионального правотворчества предшествует инвентаризация [Васильев, 2024] действующего регулирования. Операции выполнены последовательно: сначала выделены признаки каждого режима, затем сформулировано основание их деления, затем расхождения отнесены к типам, и в конце конструкция проверена предписанием, отвечающим признакам двух типов сразу.

Результаты и обсуждение

Часть 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ определяет переходный период через результат – интеграцию нового субъекта в правовую систему Российской Федерации – и не наделяет органы этого субъекта дополнительной компетенцией. Предписание регулирует время, в течение которого допускается применение ранее сложившегося регулирования, но не предмет такого регулирования. Оно адресовано не отдельному отношению, а всему объёму прежних правил сразу и потому не способно ни расширить, ни сузить круг вопросов, по которым субъект вправе принимать собственные акты. Такая норма прекращает действие автоматически, с наступлением указанной в ней даты, и не требует специального акта об отмене.

Иную конструкцию образует второе предложение статьи 36 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, согласно которому отдельными федеральными законами устанавливаются особенности регулирования отдельных отношений и сроки применения таких особенностей. Здесь определяются содержание специального регулирования и его собственный срок, а не время сохранения прежних предписаний.

Различие фиксируется по трём признакам. Источником первого режима служит федеральный конституционный закон о принятии, источником второго – отдельный федеральный закон. Предметом первого выступает действие ранее применявшихся предписаний, предметом второго – содержание регулируемого отношения. Срок первого един для всего режима, срок второго устанавливается для каждой особенности отдельно. Первый режим далее обозначается как темпоральный режим интеграции, второй – как компетенционный режим особенностей. Оба действуют в границах конституционно-правового правопреемства, объектами которого выступают публичная власть [Иванов, 2026], а также полномочия, права и обязанности.

Статья 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ подтверждает это разграничение от противного. Она установила переходный период с фиксированной конечной датой и не предусмотрела самостоятельных особенностей, однако федеральный

законодатель принял и правила, применяемые в течение периода, и правила, рассчитанные на время после его окончания.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2017 г. № 33-П обе группы предписаний разграничены прямо, а оспоренные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в истолковании, не допускающем утраты гражданами ранее приобретённых прав. Истечение срока переходного периода, следовательно, не прекращает действие особенностей, так как сроки двух режимов не совпадают и не выводятся один из другого. Тем же объясняется установление переходного периода не только для правового регулирования, но и для институциональных структур [Годованик, 2024], включаемых в единую систему публичной власти.

Единым основанием деления расхождений служит элемент механизма, который их порождает. Темпоральное расхождение возникает между предписанием, сохранённым на срок переходного периода, и общей федеральной нормой. Оно снимается истечением срока и не требует отдельного правила приоритета, поэтому самостоятельного коллизионного значения не имеет.

Иерархическое расхождение возникает между актом субъекта Российской Федерации и федеральным законом, принятым в соответствии с частями 1 и 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации, и разрешается частью 5 той же статьи; здесь получает значение конституционность законодательного процесса субъекта [Алехин, Ромайкин, 2025] и его связь с федеральным законодательным процессом. Компетенционное расхождение касается отнесения вопроса к статьям 71, 72 или 73 Конституции Российской Федерации. Пункт 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 обязывает суд выяснять, относится ли урегулированный вопрос к предмету ведения Российской Федерации, к полномочиям субъекта по предметам совместного ведения или к его собственному ведению, и учитывать право субъекта регулировать вопрос совместного ведения при отсутствии федерального регулирования.

Четвёртый тип – режимное расхождение – возникает между специальной нормой об особенностях и общей нормой федерального законодательства. Распределение таких дел между конституционными и административным судопроизводством опирается на разделение критериев и объектов проверки [Брежнев, 2025], но сам выбор применимого предписания ни одним из этих порядков не предрежён.

Действующие коллизионные правила режимное расхождение не разрешают. Часть 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации к нему неприменима, поскольку оба расходящихся предписания приняты на федеральном уровне; приоритет специальной нормы и приоритет более позднего закона приводят к противоположным результатам, если норма об особенностях принята ранее общей нормы. Правило приоритета выводится из цели, закреплённой частью 2 статьи 7 названного Федерального конституционного закона 2001 года. Специальная норма об особенностях применяется преимущественно постольку, поскольку её применение сокращает различие в правовом положении по сравнению с общим федеральным регулированием; если применение такое различие увеличивает, применяется общая норма. Опорой служат часть 2 статьи 4 и часть 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, закрепляющие верховенство и прямое действие федеральных законов, а также часть 4 статьи 1 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ, относящая организацию публичной власти в субъекте к предмету федерального регулирования. Сходный критерий предложен и для регионального нормотворчества, где допустимость различий поставлена в зависимость [Надежин, 2026] от федерального основания и публичной цели.

Момент возникновения коллизии в интеграционном режиме определяется иначе, чем при

обычной проверке нормативного акта. Пункт 38 того же разъяснения допускает признание акта не действующим со времени, когда он вошёл в противоречие с актом большей юридической силы. Для предписания, сохранённого на срок переходного периода, таким временем служит не день его принятия и не день вступления в силу федерального акта, а день окончания срока сохранения.

До этого дня расхождение коллизии не образует, так как специальное темпоральное предписание действует правомерно; после него прежнее предписание утрачивает основание применения. Этим определяется и объём ретроспективного действия судебного решения. Обнаружение таких предписаний обеспечивается экспертизой нормативных правовых актов и мониторингом [Вильская, 2020a], а распределение соответствующих действий между федеральными и региональными органами образует отдельную организационную задачу [Вильская, 2020b]. Конструкция проверяется граничным случаем. Если норма, формально ограниченная сроком переходного периода, наделяет орган субъекта Российской Федерации полномочием по вопросу, отнесённому статьёй 71 Конституции Российской Федерации к ведению Российской Федерации, признак срока перестаёт быть решающим. Такое предписание служит контрпримером для темпорального типа и оценивается по части 1 статьи 76 Конституции Российской Федерации, устанавливающей прямое действие федеральных законов по предметам ведения Российской Федерации на всей территории страны.

Граница проходит по тому, создаёт ли предписание новое полномочие или лишь продлевает применение прежнего правила; тем же критерием различаются унификация учредительных актов субъектов и простое совпадение их формулировок. Основание деления перестанет различать режимы, если обнаружится предписание, которое одновременно ограничено сроком переходного периода и учреждает собственную компетенцию субъекта по предмету ведения Российской Федерации. Типология охватывает при этом лишь расхождения между правилами поведения: бюджетные инструменты выравнивания [Воробьев, Кавкаева, 2026], инфраструктурные и производственно-кооперационные меры включения новых регионов в общее экономическое пространство страны [Новикова, Пересторонин, 2026] и организационные решения о построении системы публичной власти субъекта [Басиев, 2025] второго предписания по тому же вопросу не создают, и их несогласованность устраняется изменением самого акта.

Заключение

Механизм интеграции правовой системы нового субъекта в общее правовое пространство Российской Федерации складывается из двух самостоятельных режимов. Темпоральный режим ограничивает во времени применение ранее сложившихся правил и завершается вместе с установленным сроком. Компетенционный режим вводит особенности регулирования отдельных отношений, каждая из которых имеет собственный срок, и потому переживает окончание переходного периода.

Расхождения между предписаниями разделены на четыре типа по элементу механизма, который их порождает. Первые три снимаются соответственно сроком, правилом о преимуществе федерального закона и распределением предметов ведения. Для четвёртого, режимного типа установлено правило, по которому специальная норма действует преимущественно лишь при условии, что она сближает правовое положение с установленным общим федеральным правилом. Коллизия для сохранённого предписания возникает в день окончания срока сохранения, чем очерчиваются и временные пределы судебного решения о признании акта не действующим.

Библиография

1. Азангулова З.Х. Конституционный процесс образования новых субъектов // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 2. С. 41–48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-41-48.
2. Алехин А.Е., Ромайкин И.А. К вопросу о юридической природе законодательного процесса субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46.
3. Басиев М.С. Совершенствование организации системы публичной власти субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 8. С. 13–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-8-13-17.
4. Брежнев О.В. Оспаривание нормативных правовых актов органов публичной власти в порядке конституционного и административного судопроизводства: проблемы разграничения подведомственности // Российский судья. 2025. № 1. С. 39–44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44.
5. Васильев С.А. Развитие федеративных отношений с позиции теории соотношения субъектов конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 6–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-5-6-10.
6. Вильская Н.В. Анализ институциональных основ выявления и устранения несоответствий регионального законодательства федеральному законодательству // Современное право. 2020. № 3. С. 25–36. DOI: 10.25799/ni.2020.55.60.015.
7. Вильская Н.В. Роль федеральных органов государственной власти в выявлении и устранении несоответствий регионального законодательства федеральному законодательству // Современное право. 2020. № 4. С. 5–13. DOI: 10.25799/ni.2020.83.75.014.
8. Воробьев Н.С., Кавкаева К.П. Правовое регулирование межбюджетных отношений в контексте обеспечения социальной стабильности в новых субъектах Российской Федерации // Финансовое право. 2026. № 5. С. 12–16. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-5-12-16.
9. Годованик Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования муниципальной службы в контексте интеграции новых субъектов Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 3. С. 6–10. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-3-6-10.
10. Иванов И.В. Конституционно-правовое правопреемство: понятие и содержание // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 2. С. 10–13. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-10-13.
11. Магомедов А.М. Соотношение конституционно-уставных норм федерального и регионального законодательства, регулирующих статус субъектов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 71–78. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-71-78.
12. Максимова О.Д. Гармонизация федерального и регионального законодательства в России и проблемы государственного суверенитета // История государства и права. 2024. № 7. С. 8–13. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-7-8-13.
13. Надежин Н.Н. Единое экономическое пространство как конституционная основа ограничения регионального нормотворчества в сфере предпринимательства // Юридический мир. 2026. № 8. С. 43–46. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-8-43-46.
14. Новикова Н.В., Пересторонин А.А. Интеграция новых регионов в экономическое пространство страны через транспортные коридоры и межрегиональную кооперацию производства // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5. № 1. С. 115–124.
15. Третьяк И.А. Феномен интеграционного правового режима при принятии в состав Российской Федерации новых субъектов: конституционно-правовые аспекты // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2025. № 3. С. 19–22. DOI: 10.18572/2500-0349-2025-3-19-22.

Constitutional and Legal Problems of Integrating the Legal Systems of New Subjects into the Common Legal Space of the Russian Federation

Sergei N. Glushchenko

Adjunct,

Order of the Red Banner of Labour Academy

of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

125171, 8, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., Moscow, Russian Federation;

e-mail: gluwenko-900@mail.ru

Abstract

The current regulation of the admission of a new subject into the Russian Federation relies on two legal constructs that are similar in name but different in content. The first is the transition period, during which the new subject is incorporated into the country's legal system. The second is the specifics of regulating certain relations, introduced by separate federal laws with their own periods of application. The constitutional rule on the priority of a federal law is designed for a divergence between a federal law and an act of a subject of the Russian Federation, but it does not cover a divergence between two federal prescriptions, which is why the question of the applicable rule remains without a direct answer. The normative basis is formed by the prescriptions of the Constitution of the Russian Federation on the delimitation of subjects of jurisdiction and the legal force of acts, the norms of federal constitutional laws on the procedure for admitting a new subject and on the transition period, the provisions of the federal law on the organization of public authority in the subjects of the Russian Federation, as well as two judicial acts. Along with the formal-legal method, conceptual-categorical analysis, systematic and teleological interpretation, and comparison of successive editions of a single prescription were applied. The features of the two regimes are reduced to three distinguishing grounds — source, subject, and term — which separates the temporal regime of integration from the competence regime of specifics. Divergences are distributed according to the element of the mechanism that generates them into temporal, hierarchical, competence, and regime-related ones; for the latter, not covered by the current conflict-of-laws rules, a rule of priority is derived, relying on the goal of integration. A preserved prescription enters into divergence with a federal act of higher force on the day when its preservation term expires. The resulting differentiation makes it possible to assign a specific prescription to one of the regimes according to verifiable features and to apply the corresponding rule for resolving the divergence, while the boundary of the construct is a prescription that combines a term and a new power.

For citation

Glushchenko S.N. (2026) *Konstitutsionno-pravovye problemy integratsii pravovykh sistem novykh sub'ektov v obshchee pravovoe prostranstvo Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and Legal Problems of Integrating the Legal Systems of New Subjects into the Common Legal Space of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 228-235. DOI: 10.34670/AR.2026.26.65.026

Keywords

Common legal space, transition period, specifics of legal regulation, delimitation of subjects of jurisdiction, legal collision, norm control, new subject of the Russian Federation.

References

1. Alekhin, A.E., & Romaykin, I.A. (2025). K voprosu o yuridicheskoy prirode zakonodatel'nogo protsessa sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [On the legal nature of the legislative process in constituent entities of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (4), 43–46. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-43-46
2. Azangulova, Z.Kh. (2026) *Konstitutsionnyy protsess obrazovaniya novykh sub'ektov* [The constitutional process of forming new constituent entities]. *International Law Journal*, 9(2), 41–48. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-2-41-48
3. Basiev, M.S. (2025). *Sovershenstvovanie organizatsii sistemy publichnoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Improvement of the organization of the public government system in the constituent entities of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, (8), 13–17. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-8-13-17
4. Brezhnev, O.V. (2025). *Osparivanie normativnykh pravovykh aktov organov publichnoy vlasti v poryadke konstitutsionnogo i administrativnogo sudoproizvodstva: problemy razgranicheniya podvedomstvennosti* [Challenging

- regulations of public government authorities within constitutional and administrative proceedings: problems of jurisdiction delimitation]. *Rossiyskiy sud'ya*, (1), 39–44. DOI: 10.18572/1812-3791-2025-1-39-44
5. Godovanik, E.V. (2024). Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya munitsipal'noy sluzhby v kontekste integratsii novykh sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Certain aspects of legal regulation of the municipal service in the context of integration of new constituent entities of the Russian Federation]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*, (3), 6–10. DOI: 10.18572/2072-4314-2024-3-6-10
 6. Ivanov, I.V. (2026) Konstitutsionno-pravovoe pravopreemstvo: ponyatie i sodержanie [Constitutional and legal succession: concept and content]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (2), 10–13. DOI: 10.18572/1812-3767-2026-2-10-13
 7. Magomedov, A.M. (2023). Sootnoshenie konstitutsionno-ustavnykh norm federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh status sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Correlation between constitutional and statutory norms of federal and regional legislation regulating the status of the constituent entities of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (2), 71–78. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-2-71-78
 8. Maksimova, O.D. (2024). Garmonizatsiya federal'nogo i regional'nogo zakonodatel'stva v Rossii i problemy gosudarstvennogo suvereniteta [Harmonization of federal and regional laws in Russia and state sovereignty problems]. *Istoriya gosudarstva i prava*, (7), 8–13. DOI: 10.18572/1812-3805-2024-7-8-13
 9. Nadezhin, N.N. (2026) Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo kak konstitutsionnaya osnova ogranicheniya regional'nogo normotvorchestva v sfere predprinimatel'stva [The single economic space as a constitutional basis for limiting regional rulemaking in the sphere of entrepreneurship]. *Yuridicheskiy mir*, (8), 43–46. DOI: 10.18572/1811-1475-2026-8-43-46
 10. Novikova, N.V., & Perestoronin, A.A. (2026) Integratsiya novykh regionov v ekonomicheskoe prostranstvo strany cherez transportnye koridory i mezhregional'nuyu kooperatsiyu proizvodstva [Integration of new regions into the economic space of the country through transport corridors and interregional production cooperation]. *Voprosy prirodopol'zovaniya*, 5(1), 115–124.
 11. Tretyak, I.A. (2025). Fenomen integratsionnogo pravovogo rezhima pri prinyatii v sostav Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov: konstitutsionno-pravovye aspekty [The integrational legal regime phenomenon in admission of new constituent entities to the Russian Federation: constitutional law aspects]. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*, (3), 19–22. DOI: 10.18572/2500-0349-2025-3-19-22
 12. Vasil'ev, S.A. (2024). Razvitie federativnykh otnosheniy s pozitsii teorii sootnosheniya sub'ektov konstitutsionnogo prava [The development of federative relations from the standpoint of the theory of correlation of constitutional law subjects]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, (5), 6–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-5-6-10
 13. Vil'skaya, N.V. (2020a). Analiz institutsional'nykh osnov vyyavleniya i ustraneniya nesootvetstviy regional'nogo zakonodatel'stva federal'nomu zakonodatel'stvu [An analysis of the institutional foundations for detecting and eliminating discrepancies between regional and federal legislation]. *Sovremennoe pravo*, (3), 25–36. DOI: 10.25799/ni.2020.55.60.015
 14. Vil'skaya, N.V. (2020b). Rol' federal'nykh organov gosudarstvennoy vlasti v vyyavlenii i ustranении nesootvetstviy regional'nogo zakonodatel'stva federal'nomu zakonodatel'stvu [The role of federal state authorities in detecting and eliminating discrepancies between regional and federal legislation]. *Sovremennoe pravo*, (4), 5–13. DOI: 10.25799/ni.2020.83.75.014
 15. Vorob'ev, N.S., & Kavkaeva, K.P. (2026) Pravovoe regulirovanie mezhyudzhetykh otnosheniy v kontekste obespecheniya sotsial'noy stabil'nosti v novykh sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of inter-budgetary relations in the context of ensuring social stability in the new constituent entities of the Russian Federation]. *Finansovoe pravo*, (5), 12–16. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-5-12-16